

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.12>**МОТИВ «ПРАВДЫ ЖИЗНИ» В ДРАМЕ ИЛЬДАРА ЮЗЕЕВА «АК КАЛФАГЫМ ТӨШЕРДЕМ КУЛДАН...» («ВЫРОНИЛА ИЗ РУК БЕЛЫЙ КАЛФАК...»)**

Научная статья

Шарипова А.С. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (alsu-samigullovn[at]yandex.ru)

Аннотация

Целью статьи является анализ мотива «правды жизни» в драме татарского драматурга Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990). Научная новизна заключается в том, что в работе впервые рассмотрены формы репрезентации мотива «правды жизни» в пьесе «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак», 1990) и определена их роль. Полученные результаты показали, что мотив «правды жизни», являющийся центральным в произведении, раскрывается в отношении истории страны, социально-политических событий недалекого прошлого, поломанных этими событиями судеб героев, трансформирующихся в судьбу татарского народа. Создание сложных национальных характеров, раскрытие личных и этнических ценностных ориентиров, использование символических образов позволили автору сформировать новый философский взгляд на историю XX века.

Ключевые слова: мотив «правды жизни», Ильдар Юзеев, идея, драма, образ, символ.

THE MOTIF OF «THE TRUTH OF LIFE» IN ILDAR YUZEEV'S DRAMA «AK KALFAGYM TSHERDEM KULDAN...» («DROPPED A WHITE KALFAK FROM HER HANDS»)

Research article

Sharipova A.S. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (alsu-samigullovn[at]yandex.ru)

Abstract

The purpose of the article is to analyze the motive of the «truth of life» in the drama of the Tatar playwright Ildar Yuzeev «Ak kalfagym tsherdem kuldan...» («I dropped a white kalfak from my hands...», 1990). The scientific novelty lies in the fact that the work for the first time considers the forms of representation of the motif of «the truth of life» in the play «Ak kalfagym tsherdem Kuldan ...» («I dropped the white kalfak from my hands», 1990) and defines their role. The obtained results showed that the motive of the «truth of life», which is central in the work, is revealed in relation to the history of the country, the socio-political events of the recent past, the destinies of heroes broken by these events, transforming into the fate of the Tatar people. The creation of complex national characters, the disclosure of personal and ethnic values, the use of symbolic images allowed the author to form a new philosophical view of the history of the twentieth century.

Keywords: the motive of «the truth of life», Ildar Yuzeev, idea, drama, image, symbol.

Введение

Татарская драматургия конца XX века, которая вначале «была как-то шокирована полным отрицанием новыми политическими силами идей Октября, решительным отказом их от социалистической ориентации, крушением памятников духовного наследия» [7, С. 244], стремясь «найти свое место в литературе и искусстве и обеспечить сцену своевременно звучащими произведениями» [1, С. 386], начинает сконцентрировать внимание на аспектах национального характера, поставив на повестку дня острые проблемы, связанные с формированием и укреплением национального самосознания татарского народа. Драматургия, как и татарская литература в целом, вскоре «окончательно определяется со своим направлением: в центре внимания оказывается тема судьбы татарского народа, на первый план выходит критика советской идеологии и тоталитарного режима, разрушение советского мифа путем доведения результатов красной идеологии до абсурда, поиск истины в отношении прошлого, настоящего и будущего, поиск возможностей для совершенствования жизни» [4, С. 11], «формами проявления национальной идентичности (...) часто становятся национальные концепты, символические образы, идеалы, архетипы, обращение к типичным чертам национального характера» [5, С. 49].

В сценической литературе эта тенденция формируется, прежде всего, в творчестве известного татарского драматурга Ильдара Юзеева (1933-2004) – и не как высказывание позиции автора или героя-резонера, а через создание сложных национальных характеров, людей непростой судьбы, через раскрытие личных и этнических ценностных ориентиров, духовных предпочтений, национальных этических норм. Основным мотивом произведений такого плана становится мотив «правды жизни», который оборачивается правдой об истории большой страны, социально-политических событиях, о поломанных этими событиями судьбах многих людей. В конечном счете, эти судьбы в пьесе трансформируются в судьбу татарского народа.

Методы и принципы исследования

Цель настоящей статьи – анализ мотива «правды жизни» в драме татарского драматурга Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990). Для достижения вышеуказанной цели

поставлены следующие задачи: 1) выявить особенности проявления мотива «правды жизни» в драме Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак»); 2) раскрыть роль мотива «правды жизни» в идейно-эстетическом содержании произведения; 3) на основе проведенного анализа пьесы определить художественные и социальные задачи, поставленные автором.

При подготовке статьи были использованы научные труды таких ученых, как А.Г. Ахмадуллин, Л.Н. Вагапова, Д.Ф. Загидуллина, А.М. Закирзянов, И.И. Ибрагимов, И.Ю. Кириллова, Н.Г. Ханзафаров, Н.М. Юсупова [1], [2], [3], [4] и др., отражающие особенности развития татарской драматургии конца XX века, а также затрагивающие отдельные аспекты творчества И. Юзеева.

Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Основные результаты

Пьеса И. Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...», 1990), жанр которой определен автором как «народная драма», становится «новым словом» в татарской драматургии постсоветского периода. Она посвящена переоценке советской идеологии, особенно – ее отношения к судьбам простых людей. Ярко выраженная национальная проблематика, новые композиционные приемы, своеобразный авторский взгляд и гражданская позиция на изображаемые события позволили драматургу остро поднять тему трагической судьбы татарского народа. Литературный прием, используемый И. Юзеевым, – телемост между татарами Казани и татарами, проживающими в Сан-Франциско, позволил автору собрать произведение вокруг мотива «правда жизни», связать воедино прошлое, настоящее и будущее народа, сконцентрировав внимание читателя и зрителя на исторических предпосылках вынужденной эмиграции татар, ведущих так или иначе к замедленной ассимиляции. Раскрывающаяся на сцене «правда жизни» о советской идеологии, превратившей своих граждан – в рабов, заполнившей их сознание ложными представлениями, заставившей отказаться от традиционных ценностей, становится открытием и для зрителя. Персонажи драмы, являющиеся представителями различных профессий, имеющие разные социальные положения, а также разные жизненные позиции, в силу определенных общественно-политических событий оказались оторванными от исторической Родины, вместе с тем, их всех объединяет одно – стремление к своим корням. Несмотря на то, что жизнь за границей спасла их от многих бед – политических преследований, этнических притеснений, культура личности, ссылки, смерти, у эмигрантов судьба по своему трагична, они обречены жить вдали от Родины, тоскуя по родной земле, родному языку, родным традициям:

«Т а й ф у р. Мин ирекле. Ни телим – шуны эшилм. Эмма иң кадерле нәрсәне югалту бәрабәрәнә алынган ирек мине бәхетле итмәде. Басып торган үз туфрагым, жирем, суым, шунда тамырланган тал-тирәкләрәм, телем-моңым җитми миңа. Һәрбер көнем-төнәм иксез-чиксез газатка әйләнде...» [8, С. 59] / *«Т а й ф у р. Я свободен. Я делаю то, что хочу. Но свобода, приобретенная ценой потери самого дорогого, не сделала меня счастливым. Мне не хватает своей земли, воды, укорененных в ней ив, тополей, родного языка, родной мелодии. Дни и ночи превратились в бесконечное мучение...»* (Здесь и далее перевод автора статьи. – А. Ш.).

Композиция пьесы построена таким образом, что целостная картина о судьбе нации в условиях тоталитарной идеологии складывается через знакомство с судьбами отдельных личностей, проживающих как в Казани, так и в Сан-Франциско. Несмотря на то, что главные герои живут в разных континентах Земли, они все являются жертвами общественно-политических событий советского периода – революций, культура личности, войн, советского режима. К примеру, Исмаил Акчурин – известный художник, опытный преподаватель – в свое время для поступления на учебу отрекся от своего родного отца, признанного кулаком, позже и от родственников-эмигрантов, проживающих в Америке, сегодня является отцом сына-инвалида – жертвы афганской войны; жизнь научила его, прежде чем отвечать на вопросы, принимать те или иные решения, обдумывать ситуацию по несколько раз. 85-летняя одинокая Шамсия Ишмуллина, дочь просветителя начала XX века Фатхутдина Ишмуллина, получившего образование в Кембриджском университете и казенного за это революционерами, во время Отечественной войны потеряла мужа и единственного сына, несмотря на это, все еще живет иллюзиями советского периода. Ее сын Жак (Габдулхак Ишмуллин), бывший пленный легиона «Идель-Урал», побоявшись политических преследований, а также навредить этим своей матери и родным, всю жизнь провел в Америке, скрываясь под чужим именем. Тайфур, молодой художник с собственным мнением и взглядом на жизнь, также был вынужден покинуть страну. На примере судеб отдельных семей разных поколений предстают перед читателем трагические события XX века, таким образом, происходит демифологизация советского тоталитарного прошлого, характеризующегося четко установленными властями сценариями (как это происходит даже и в случае проведения телемоста в постперестроечное время), отсутствием свободы слова и действий граждан. «Проводя мысль о том, что человеческая жизнь – это наивысшая ценность, писатель раскрывает жестокие стороны тоталитарной системы, идеологии периода застоя, призывает не осуждать, а стремится понять, проявлять милосердие к тем, кто живет далеко за пределами родины» [3, С. 324].

Авторская воля обнаруживается, с одной стороны, в построении фабулы, в организации событийного ряда драмы, с другой стороны, – в элементах символики. Пьеса характеризуется многообразием национальных образов-символов, «экзистенциально-философичных в своей основе» [2, С. 18]. В драме символом представителей татарской нации выступает образ скакуна, а «скакуны Сабантуя, падающие без сил» символизируют соотечественников, по воле судьбы оказавшихся вдали от своей исторической родины:

«С а ф и я. Чынында, без барыбыз да – без дә, ә балки сез дә, читкә кагылганнар, рәнҗетелгәннәр. Халкыбызның күпчелек өлеше үз туфрагында яшәми. Алар сабантуйдагы чабыштан, хәлсезләнен, егылып калган атлар кебек» [8, С. 49] / *«С а ф и я. На самом деле все мы – и мы, а может быть, и вы, отвергнутые, обиженные. Большая часть нашего народа не живет на собственной земле. Они похожи на скакунов, которые, обессилевшись от скачек на Сабантуе, падают».*

Основная идея пьесы, передаваемая в реплике Сафии, заключается в том, что только единство, взаимная поддержка смогут обеспечить будущее татарской нации. Белое полотенце символизирует национальные традиции и устои татарского народа, объединяющие всех соотечественников вне зависимости от их места проживания, а белый цвет – чистоту помыслов, великодушные татар.

Образ белого калфака, ставшего талисманом жизни эмигранта Жака (Габдулхака), понимается как символ преданности личности своей нации, её истории, национальным традициям. Оброненный белый калфак, вынесенное на название пьесы, а также неоднократно упоминающийся в татарской народной песне в ходе действий пьесы, в том числе и – в финальной сцене, поднимается до уровня символа утраченной связи с Родиной. «Он не только передает идею о тепле родной земли, связи поколений, духовной близости, единства народа, может интерпретироваться и как символ ненависти к тоталитарному режиму» [3, С. 324].

Образ дремучего леса (карурман) символизирует историческую память, крепость духа и богатство души татарского народа. Наивысшей точкой создания драматургом в пьесе специфического образа-символа, подчеркивающего уникальность татарской нации, на наш взгляд, можно назвать символ «иман нуры» («свет (луч) веры»), который олицетворяет доброту души, искренность, преданность традициям и благочестивость народа.

В пьесе предметом размышлений автора становится не только историческое прошлое, но и настоящее и будущее нации. Проблема исчезновения родного языка, родной культуры рассматривается в тесной связи с судьбой татарского народа. «Противопоставляя представителей одной нации, живущих в двух мирах, драматург приходит к выводу, что национальные обычаи и традиции татарского народа сохранились именно в диаспоре» [2, С. 23]. Утрата чувств национальной идентичности, а конкретно родного языка, национальной культуры, религии, преподносится драматургом как последствие тоталитарного периода общества. Будущее народа видится в возвращении к духовным и нравственным истокам:

«З ө б ә й д ә. Кешеләр кыргый, вәхиш сыйфатларын онытып, Аллаһы Тәгалә жән биреп иңдергән Адәм тормышы белән яши башламасалар, бер-берсен бетерәчәкләр. Юлбарыслар – атларны, акулалар ваграк балыкларны йотачаклар» [8, С. 63] / *«З у б а й д а. Если люди не забудут о своих диких, варварских качествах и не начнут жить той жизнью, которую Бог им ниспослал, то они уничтожат друг друга. Тигры проглотят лошадей, акулы – более мелких рыб».*

Необходимо отметить, что тема трагической судьбы татар, вынужденных уехать и обустроиться на чужбине, появилась в татарской литературе намного раньше: на волне демократических перемен 1960-1980-х годов. Пионером на этой стезе стал Миргазиян Юныс и его рассказ «Безнең өй өянке астында иде...» («Наш дом стоял под ивою...», 1964). По мнению Р. Рахмана, этот рассказ и самого писателя «вернул на национальную почву, в национальную действительность» [6, С. 12].

В нем описывается встреча в порту Генуи моряка Габдрахмана Рахманкулова со старушкой-татаркой, вынужденной жить на чужбине после революции 1917 года. Тоскующая по родной деревне Карамалы, по родному дому старушка ночью перебирается в трюм корабля, направляющегося на родину, и там умирает. С одной стороны, прозаик превращает образ – в символ большинства татар, вынужденных жить вдали от родины. С другой, основным в рассказе остается экзистенциальный лейтмотив. Автор, хотя и озвучивает такие вопросы как: *«Нигә туган җирдә генә яшәп булмый икән? Нинди көч, гаиләләрне туздырып, туганнарны әллә кайларга таратып ташлый икән? Татар кешесе үз иркеннән китми бит туган җиреннән. Татарлар туган туфрактарыннан бәхет эзләргә китәләр. Туган нигездә бәхеткә ирешеп булмый микәнни? Кая киткән татар яши торган җирдәге бәхет? Кем куган аны? Нигә?»* [9, С. 74] / *«Почему невозможно прожить только на своей родине? Какая сила, разрушив семьи, заносит родственников бог знает куда? Татарин ведь не по своей воле покидает родину. Татары уходят с родной земли в поисках счастья. Неужели нельзя добиться счастья на родимой земле? Куда подевалось счастье оттуда, где живет татарин? Кто знал его? Зачем?»*, ответы на них должен додумывать сам читатель.

Рассказ М. Юныса «Энже эзләүчеләр» («Искатели жемчуга», 1971) еще более близок к драме И. Юзеева. Его герой Гимран – сын плененного в годы Великой Отечественной войны и оставшегося в Бельгии татарина – перед смертью завещает сыну вернуться в родные края, к своим предкам.

В отличие от вышеназванных рассказов М. Юныса советского периода, в которых центральным становится образ Родины и ностальгия по ней, в драме «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...»), «по оригинальности формы и образов занимающей особое место в татарской драматургии» [1, С. 408], наблюдается четкое указание на социально-политические причины вынужденности жить за пределами родных мест. Социально-политическое начало выходит на первый план благодаря проработанности характеров героев, в связке с их судьбой и личными ценностными ориентирами, а также с судьбой родины. По этой причине мы называем драму И. Юзеева одной из первых «новых» пьес постсоветского периода, «ориентированных на раскрытие социально-политических (тоталитаризм и его влияние на человека) и философских (философия жизни) тем» [10, С. 124].

Заключение

Изучив особенности проявления мотива «правды жизни» в драме Ильдара Юзеева «Ак калфагым төшердем кулдан...» («Выронила из рук белый калфак...»), можно прийти к следующим выводам.

Мотив «правды жизни», выступающий в пьесе в качестве центрального мотива, нацелен на переосмысление произошедших событий XX века, их оценки и подведения итогов через призму национальных и общечеловеческих ценностей. Он оборачивается правдой об истории большой страны, правдой о социально-политических событиях и о поломанных этими событиями судьбах многих людей, которые трансформируются в судьбу татарского народа. В этом аспекте драма И. Юзеева «задает тон»: в переоценке советского прошлого в драматургии конца XX века важную роль начинают играть символы и символические образы, многие из которых были традиционными для татарской литературы, через них подчеркивается надежда на преодоление последствий «жизни во лжи». В результате

экзистенциальность, оплакивание бесчисленных безвинных жертв, оплакивание утери исторической памяти и, даже, национального самосознания, в конечном счете, превращаются в светлую печаль.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия : история и проблемы / А. Г. Ахмадуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Вагапова Л. Н. Поэтика драматургии Ильдара Юзеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 : защищена 20.06.2011 / Вагапова Лейсан Нигматулловна. – Уфа, 2011. – 25 с.
3. Закиржанов Ә. М. Драматургия / Ә. М. Закиржанов / Татар әдәбияты тарихы : сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан : Фолиант, 2019. 7 т. : 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2019. – Б. 320–346.
4. Заһидуллина Д. Ф. Әдәби хәрәкәт / Д. Ф. Заһидуллина / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан : Фолиант, 2021. 8 т. : 2001– 2020 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. – 2021. – Б. 11– 41.
5. Кириллова И. Ю. Национальная идентичность и особенности ее отражения в современной драматургии Поволжья / И. Ю. Кириллова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 3 (112). – С. 47–52.
6. Рахмани Р. Кыйблабызга тугрылык / Р. Рахмани // Юныс М. Әсәрләр алты томда. 1 том : Хикәя, новелла, повестьлар (1961–1986). – Казан : «РУХИЯТ» нәшр., 2003. – Б. 5–38.
7. Ханзафаров Н. Г. Татарская комедия / Н. Г. Ханзафаров. – Казань : «ФЭН», 1996. – 266 с.
8. Юзеев Илдар. Шагыйрь сәһнәсе : драмалар, комедияләр / И. Юзеев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 190 б.
9. Юныс М. Әсәрләр : алты томда. 1 том : Хикәя, новелла, повестьлар (1961–1986) / Юныс М. – Казан : «РУХИЯТ» нәшр., 2003. – 582 б.
10. Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская драматургия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) / Н. М. Юсупова, М. И. Ибрагимов: коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминева. – Барнаул : ИГ «Си-пресс», 2012. – 234 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Ahmadullin A. G. Tatarskaja dramaturgija : istorija i problemy [Tatar drama: history and problems] / A. G. Ahmadullin. – Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 2012. – 511 p. [in Russian]
2. Vagapova L. N. Pojetika dramaturgii İl'dara Juzeeva [Poetics of dramaturgy by İldar Yuzeev]: abstract of PhD in philological: 10.01.02 : defenseofthethesis 20.06.2011 / Vagapova Lejsan Nigmatullovn. – Ufa, 2011. – 25 p. [in Russian]
3. Zakırǰanov Ә. M. Dramaturgija [Dramaturgy] / Ә. M. Zakırǰanov / Tatar әдәbijaty tarihy [History of Tatar literature] : in eight volumes / [tөz. R. F. Rahmani]. – Kazan: Foliant, 2019. Volume 7 : 1985–2000 years / [fәnni mөh.: D. F. Zahidullina, Ә. M. Zakırǰanov]. – 2019. – P. 320–346. [in Tatar]
4. Zahidullina D. F. Әдәби хәрәкәт [Literary movement]/ D. F. Zahidullina / Tatar әдәbijaty tarihy [History of Tatar literature] : in eight volumes / [tөz. R. F. Rahmani]. – Kazan: Foliant, 2021. Volume 8 : 2001– 2020 years / [fәnni mөh.: D. F. Zahidullina, Ә. M. Zakırǰanov]. – 2021. – P. 11– 41. [in Tatar]
5. Kirillova I. Ju. Nacional'naja identichnost' i osobennosti ee otrazhenija v sovremennoj dramaturgii Povolzh'ja [National identity and features of its reflection in the modern drama of the Volga region] / I. Ju. Kirillova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. – 2021. – № 3 (112). – P. 47–52. [in Russian]
6. Rahmani R. Kyjblabyzga tugrylyk [Loyalty to landmarks] / R. Rahmani // Junys M. Әsәrlәr [Works] : in six volumes. Volume 1 : Hikәja, novella, povest'lar [Short stories, short stories, novellas] (1961–1986). – Kazan : «RUHIJaT» nәshr., 2003. – P. 5–38. [in Tatar]
7. Hanzafarov N. G. Tatarskaja komedija [Tatar Comedy] / N. G. Hanzafarov. – Kazan' : «FӘN», 1996. – 266 p. [in Russian]
8. Juzeev İldar. Shagyjr' sәhnәse: dramalar, komedijalәr [The poet's stage: dramas, comedies] / I. Juzeev. – Kazan : Tatar. kit. nәshr., 2002. – 190 p. [in Tatar]
9. Junys M. Әsәrlәr [Works]: in six volumes. Volume 1: Hikәja, novella, povest'lar [Short stories, short stories, novellas] (1961–1986) / Junys M. – Kazan : «RUHIJaT» nәshr., 2003. – 582 p. [in Tatar]
10. Jusupova N. M., İbragimov M. I. Sovremennaja tatarskaja dramaturgija [Modern Tatar drama] // Nacional'nye literatury respublik Povolzh'ja [National literatures of the Volga Republics] (1980–2010 gg.) / N. M. Jusupova, M. I. İbragimov: collective monograph / nauch. red. V. R. Amineva. – Barnaul : IG «Si-press», 2012. – 234 p. [in Russian]